

---

WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY  
TOM XVII (2020), №4  
s. 179-187  
doi: 10.36121/adyukariev.17.2020.4.179

Андрей Викторович Дюкарев  
(Кубанский государственный университет, Краснодар)  
ORCID 0000-0002-0739-3770

## Историческая память южнорусского казачества и народов Северного Кавказа: проблемы, параллели, точки соприкосновения

**Аннотация:** В статье рассматриваются общие и особенные сюжеты исторического развития южнорусского казачества и народов Северного Кавказа, которые взаимодействовали в общем историческом и географическом пространстве, что привело к наличию проблемных узлов, параллельных векторов и точек соприкосновения в процессе формирования их исторической памяти. Дается анализ ключевым историческим событиям XIX – XX веков, составившим каркас исторической памяти южнорусского казачества и народов Северного Кавказа, выделяются «травматические» узлы исторической памяти, которые определяют остроту этносоциальных взаимоотношений.

**Ключевые слова:** историческая память, казачество, народы Северного Кавказа, «травматическая» память.

### Historical memory of the South Russian Cossacks and the peoples of the Caucasus: problems, Parallels, points of contact

**Annotation:** The article deals with General and special subjects of the historical development of the South Russian Cossacks and the peoples of the North Caucasus, which interacted in a common historical and geographical space, which led to the presence of problematic nodes, parallel vectors and points of contact in the process of forming their historical memory. Analyses the key historical events of the XIX – XX centuries, formed the framework of the historical memory of the southern Russian Cossacks and North Caucasus peoples, are «traumatic» units of historical memory, which determine the severity of ethno-social relations.

**Keywords:** historical memory, Cossacks, peoples of the North Caucasus, «traumatic» memory.

### Pamięć historyczna kozaków południoworosyjskich i narodów Kaukazu: problemy, paralele, punkty styku

**Streszczenie:** W artykule omówiono ogólne i szczególne wątki historycznego rozwoju kozaków południoworosyjskich i ludów Północnego Kaukazu, które współdziałały we wspólnej

przestrzeni historycznej i geograficznej, co doprowadziło do obecności problematycznych węzłów, równoległych wektorów i punktów styku w procesie kształtowania ich pamięci historycznej. Analiza kluczowych wydarzeń historycznych XIX-XX wieku, które stanowiły szkielet pamięci historycznej kozaków południoworosyjskich i ludów Północnego Kaukazu, wyróżnia się «traumatyczne» węzły pamięci historycznej, które określają ostrość relacji etnospołecznych. **Słowa kluczowe:** pamięć historyczna, Kozacy, ludy Północnego Kaukazu, «traumatyczna» pamięć.

На современном этапе второго десятилетия XXI века обращение к смысловому содержанию исторической памяти является актуальным в научных исследованиях гуманитарного направления, и насущно-необходимым условием в социальном развитии российского общества.

Представители южнорусского казачества, донского, кубанского, терского, и народы Северного Кавказа, являясь носителями разнообразных этнокультурных моделей, развивались в общем историческом и географическом пространстве, аккумулируя и транслируя историческую память, имеющую общие истоки, проблемы, точки соприкосновения.

С момента формирования южнорусского казачества, начиная с XVI века, когда, по словам Ф. А. Щербина «...в исторических актах южной России появляются черкасские казаки, как войско»<sup>1</sup>, можно говорить и об установление связей южнорусского казачества с народами Кавказа. Пограничный характер жизни предполагал разные варианты взаимоотношений контактирующих: «[...] С кавказскими народностями у них не только велись войны, но и поддерживались определенные связи... русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально таки добывала жен на Кавказе»<sup>2</sup>.

Взаимодействие и этносов, и социальных групп, проявляющееся в различных формах и в протяженной временной динамике, отражается в их исторической памяти. Можно отметить, что процесс формирования, трансформации и трансляции исторической памяти у народов Кавказа и южнорусского казачества имеет как общие сюжеты, так и особенные векторы развития.

Общим неперенным фактором, характеризующим начальный период формирования исторической памяти у народов Кавказа и южнорусского казачества, является устная традиция сохранения и передачи образов и опыта прошлого.

«Для народов Северного Кавказа, учитывая состояние письменности, проблема источников особенно важна. Многие события войны оказались зафиксированными только на уровне, так называемой, «устной истории...»<sup>3</sup>. Одним из механизмов трансляции информационного массива «устной истории» является эпический фольклор – основной хранитель системы ценностей народов, их исторической памяти. У многих народностей многие образы и сюжеты

<sup>1</sup> Ф.А. Щербина, *История Кубанского казачьего войска*, В 2-х тт., Екатеринодар, 1910, Т.1, с.423.

<sup>2</sup> Там же, с.337.

<sup>3</sup> Э.А. Шеуджен, *Историческая память и проблемы Кавказской войны* [in:] *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.* Майкоп 2006, с.694.

национального эпоса встречаются не только в эпосах, но и в форме сказаний и сказок, пословиц и поговорок, образуя единый культурно-исторический контекст народной памяти о жизни<sup>4</sup>.

Исследователи сходятся во мнении что «...учитывая протяженность во времени устной традиции, прежде всего речь может идти об архаических образах и представлениях, сложившихся на основе нартского эпоса, бытующего у адыгов, абхазцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и отчасти у ингушей, чеченцев, дагестанцев»<sup>5</sup>.

Историческая память южнорусского казачества формируется задолго до появления его как войсковой и сословной структуры Российской империи. Её основой также становится фольклорная традиция, где отражаются военные мотивы, участие и подвиги в войнах, ностальгия по казачьей вольнице.

В XIX веке происходит кардинальное изменение как в механизмах сохранения и закрепления, так и в смысловом содержании исторической памяти народов Кавказа и южнорусского казачества. По мере хозяйственно-экономического освоения и административного закрепления территорий Кубани и Кавказа в орбите Российской империи, кубанское и терское казачество переходит от устной традиции трансляции своей исторической памяти к письменной. Если в первой половине XIX века появляются обзорные исследования и художественные произведения, передающие яркие эпизоды жизни казачества<sup>6</sup>, то вторая половина столетия характеризуются стремлением исследователей перейти от сбора фактического материала к научному осмыслению социальных, экономических, культурных процессов, происходивших с казачеством на Кубани и Кавказе в XIX веке<sup>7</sup>.

В то же время, к концу XIX века у большинства кавказских народов из их среды выделяются просветители, усилиями которых устные пласты исторической памяти закрепляются в письменных произведениях<sup>8</sup>.

---

<sup>4</sup> М.Р. Арпентьева, *Этническое возрождение Кавказа и его мифы* [in:] *Демографический и миграционный портрет Кавказа Сер. «Демография. Социология. Экономика»*. Под редакцией С.В. Рязанцева, Г.И. Гаджимурадовой, Москва, 2019, с. 148-149.

<sup>5</sup> Э.А. Шеуджен, *Проблемы региональной идентичности в исторической памяти народов Северного Кавказа*, „Власть“ 2014, № 11, с. 35.

<sup>6</sup> Я.Г. Кухаренко *Вороний кинь* [in:] *Основа*, Спб., 1861, № 10, с. 21–25; Он же, *Черноморский быт на Кубани между 1794 – 1796 годами* [in:] *Основа*, Спб., 1861, ноябрь. с.6 – 41; П.П. Короленко, *Черноморцы*, СПб., 1874; С.М. Бронеvский, *Новейшая известия о Кавказе, собранные и пополненные Семенов Броневским*: В 2 томах. Подготовка текста к изд., предисл., примеч. И.К. Павловой, СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004; И.Ф. Бларамберг *Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа*, М.: Изд. Надыршин А.Г., 2010.

<sup>7</sup> П.П. Короленко, *Кошевые атаманы Черноморского казачьего войска XVIII в.*, СПб., 1901; Он же, *Черноморское казачье войско (1775–1792). Исторический очерк*, Екатеринодар, 1892; Е.Д. Фелицын, *Кубанское казачье войско 1696–1888*, Воронеж, 1888; Ф.А. Щербина, *История Кубанского казачьего*. В 2-х тт., Екатеринодар, 1910 – 1913.

<sup>8</sup> Ш.Б. Ногмов, *О Кабарде*, „Закавказский Вестник“, 1847, № 4-21; Он же, *О быте, нравах и обычаях адыгейских народов, или черкесских племен*, „Кавказ“, 1849, № 36-37; Он же, *История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев* / вступ. ст. и подгот. текста Т.Х. Кумыкова, Нальчик 1994; С. Хан-Гирей *Избранные произведения* / подгот. текста и вступ. ст. Р.Х. Хашхожевой, Нальчик 1974; Он же, *Черкесские предания: избранные произведения* / вступ. ст. Р.Х. Хашхожевой, Нальчик 1989; Он же, *Записки о Черкесии*, Нальчик 1992; С. Адиль-Гирей, *Об отношении крестьян к владельцам у черкесов*, „Кавказ“, 1846, № 9; Он же, *Сулейман Эфенди* [in:] *Кавказ*. 1846, № 51; Он же, *Жена черкеса*, „Кавказ“,

При этом историческая память южнороссийского казачества, в исторических исследованиях закрепляла в основном героические сюжеты служения российскому государству и образ казака, являющегося опорой трону и самодержцу. Это объясняется проводимой Российской империей политики целенаправленной трансформации казачества из некогда вольных военизированных сообществ в военно-служилое сословие, с закономерной утратой и замены воли и свободы на льготы и привилегии.

В отличие от конструкторов казачьей исторической памяти кавказские просветители конца XIX – начала XX века были меньше связаны заданной правительством «политикой памяти» и делали акцент на воспевание традиционных ценностей горского общества.

Следующим фактором, параллельно пронизывающим историческую память народов Кавказа и южнорусского казачества является сам Кавказ как общее географическое и историческое пространство, обусловившее особенности и своеобразие их социального развития. И если для автохтонных народов, проживающих на Кавказе, это естественная изначальная среда этногенеза и социокультурной эволюции, то казачий элемент оказывается здесь в силу исторических предпосылок и целенаправленной политики российского государства в XVIII-XIX веках. Тем не менее, в обоих случаях кавказские мотивы и сюжеты занимают прочное место, в исторической памяти отразившись в фольклоре, художественных произведениях, исторических исследованиях.

Кавказ как общий дом и пространство взаимодействия также определил и единый для горских народов и казачества событийный ряд исторического процесса, смешав борьбу и сотрудничество, печаль и радость.

Другой общей закономерностью развития исторической памяти народов Кавказа и южнорусского казачества является наличие травматического опыта или «раненной памяти». В данном разрезе мы можем говорить о следующих исторических событиях: Кавказская война, Революция и Гражданская война, раскулачивание и расказачивание, коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, депортация ряда народов Кавказа, Чеченские кампании 1994-2009 гг.

Так называемая Кавказская война XIX века явилась событием не только изменившим жизнь региона, но и оказав существенное влияние на наполнение исторической памяти горских народов трагическими страницами, эмоционально негативно окрашенными воспоминаниями. Которые, тем не менее, со временем не становятся менее болезненными - «...в памяти каждого народа есть события, как бы вневременные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. К таким событиям, вне всякого сомнения, относиться Кавказская война, оставшаяся в памяти народов Северного Кавказа, как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории»<sup>9</sup>.

---

1847, № 11; Он же, *Рассказ аварца* [in:] *На Кавказе*, Екатеринодар, 1909, Т. 2, Вып. 5; А.-Г. Кешев, *Избранные произведения*, Нальчик 1976.

<sup>9</sup> Э.А. Шейджен, *Историческая память и проблемы Кавказской войны* [in:] *Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.*, Майкоп 2006, с.698.

Следствием Кавказской войны и событием, навсегда оставшимся трагедией в исторической памяти адыгского народа, явилось мухаджирство. Как отмечает А.Т. Урушадзе - «Кавказская война и мухаджирство для адыгов – историческая травма. В отличие от федеральной власти, стремящейся к локализации этого опыта, адыги не пытаются его вытеснить или подавить. Напротив, травма Кавказской войны выступает важной частью рассказа о себе и способом актуализации адыгского единства»<sup>10</sup>.

В исторической памяти южнорусского казачества Кавказская война не локализуется как травматическое воспоминание, но как символ военного и религиозного противостояния и время самоотверженных подвигов.

Ярко выраженной травматической памятью в историческом сознании южнорусского казачества становятся события первой половины XX века: Революция, Гражданская война, рассказывание. «В обращении к тематике репрессий и трагедии Гражданской войны, в резкой фокусировке исторической памяти потомков казаков на обидах, нанесенных сообществу советской властью, проявилось то, что исследователи называют «раненой памятью» народа. Например, особое значение для казачества, особенно официальных его представителей, состоящих в казачьих обществах, имеет трагическая дата 24 января 1919 г. В этот день было подписано Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) «Об отношении к казакам» и секретная директива»<sup>11</sup>.

В 20-30 гг. XX века на территориях традиционного проживания казачьего населения проводилась политика «рассказывания». Экономические и социальные аспекты рассказывания стали проявляться еще в дореволюционный период, и были обусловлены естественным ходом исторического развития. Однако, процесс рассказывания был искусственно подстегнут Советской властью, обретя репрессивный характер. От имени и во имя Революции 1917 года казачество уничтожалось физически, стирались людские судьбы, выкорчевывалась казачья ментальность<sup>12</sup>. После Революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны, суровых реалий советской жизни 20-30-х гг., историческая память кубанского казачества претерпела кардинальные изменения. К имеющимся образам и примерам военных подвигов и служения Отчизне добавилась память о боли потерь близких и родных, унижении, гонениях.

Население Северного Кавказа в период 20–30-х гг. XX в. переживало сложный этап социально-экономической и политической модернизации, участвуя в построении нового общества. В отличие от казачества представители горских народов поддерживали Советскую власть в Гражданской войне, и после ее завершения не рассматривались как потенциальная угроза новому политическому

---

<sup>10</sup> А.Т. Урушадзе, *Помнить-нельзя-забыть: кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации*, „Политическая наука“, 2018, № 3, с. 115.

<sup>11</sup> О.В. Рвачёва, *Гражданская война в исторической памяти потомков казаков [in:] Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.)* / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов], Ростов н/Д, с.87.

<sup>12</sup> А.В. Дюкарев, *Память о прошлом казачества в сознании современного кубанского общества: сквозь призму революции 1917 года [in:] Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года): Материалы Всероссийской научной конференции*, Ростов-на-Дону 2017, с.221–224.

строю. В связи с этим репрессивная политика Советской власти в меньшей степени затронула кавказское общество, и соответственно этот период не отражается в исторической памяти как травматический.

Историческая память южнорусского казачества и народов Кавказа в полной мере испытывает воздействие травматического опыта в период 40-50-х гг. XX века. Часть казачества, участвовавшая в коллаборационистском движении, подвергнется выдаче в 1945 году союзными войсками Советскому Союзу и репрессировано. В свою очередь чеченский, ингушский, карачаевский, балкарский, калмыцкий народы были депортированы в 1943-1944 гг., с лишением своей национальной автономии. В контексте исторической памяти «Депортация выступает не как однократное событие, завершившееся с возвращением на историческую родину в 1957 году, а как процесс, который продолжает оказывать существенное воздействие на отношение репрессированных народов к своему прошлому, настоящему и будущему»<sup>13</sup>.

Подводя итоги нашим размышлениям, необходимо отметить, что историческая память южнорусского казачества и народов Северного Кавказа на современном этапе имеет следующие проблемы:

1. конфликт содержательного контента несущего в себе различные интерпретации исторических событий;
2. агрессивная консервативная «политика памяти» реализуемая государством, сопровождаемая нежеланием признать ошибки прошлого;
3. непреодолимость социально-политического раскола российского общества, что препятствует целостному восприятию исторической памяти;
4. отсутствие предпосылок преодоления нравственного порога отрицательного социально порицаемого исторического опыта.

Таким образом, историческая политика на Северном Кавказе носит асимметричный характер на всех уровнях, создавая предпосылки для возникновения противоречий и конфликтов. Прошлое остается полем битвы, где спорные, интерпретируемые с разных мировоззренческих позиций события, начинают реализовывать дестабилизирующий сценарий настоящего. Между тем, только превращение истории в интегрирующий фактор может стать фактором успешного развития региона и страны в целом<sup>14</sup>.

Являясь структурными элементами российского общества и взаимодействуя в общем историко-региональном пространстве, южнорусское казачество и народы Северного Кавказа по разному реагируют на государственную «политику памяти» и трансформацию собственной исторической памяти. Народы Северного Кавказа более последовательны и категоричны в отстаивании и увековечивание героев и сюжетов своей истории, невзирая на политическую конъюнктуру. В то время как российское казачество более подвержено влиянию государства и реализуемой «политике памяти», что ведет к искажению истинности исторических сюжетов и ложной трансформации исторической памяти казачества.

<sup>13</sup> Дж. Я. Рахаев, *Воспроизведение травмы: осмысление депортации в профессиональной культуре репрессированных народов северного Кавказа (на примере балкарцев и карачаевцев)*, [in:] *Русский травелог XVIII-XX веков*, Новосибирск 2015, с. 542.

<sup>14</sup> Е.Ф. Кричко, *Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе, „Новое прошлое“ (The New Past) 2018, № 3, с. 207.*

## REFERENCES

- Adyġ-Girej S., *Ob otnoshenii krest'yan k vladel'czam u cherkesov*, «Kavkaz», 1846, № 9.
- Adyġ-Girej S., *Sulejman E'fendi*, «Kavkaz», 1846, № 51.
- Adyġ-Girej S., *Zhena cherkesa*, «Kavkaz», 1847, № 11.
- Adyġ-Girej S., *Rasskaz avarczu*, «Na Kavkaze», Ekaterinodar, 1909, T. 2, Vy`p. 5.
- Arpent'eva M.R., *E'tnicheskoe vozrozhdenie Kavkaza i ego mify*, «Demograficheskij i migracionnyġ portret Kavkaza», Seriya «Demografiya. Sociologiya. E'konomika», Pod redakciej S.V. Ryazan'ceva, G.I. Gadzhimuradovoj, Moskva, 2019, s. 147-162.
- Blaramberg I.F., *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, e'tnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza*, M.: Izd. Nady`rshin A.G., 2010.
- Bronevskij S.M., *Novejšhiya izvestiya o Kavkaze, sobrannyġya i popolnennyġya Semenom Bronevskim: V 2 tomax*, Podgotovka teksta k izd., predisl., primech. I.K. Pavlovoj, SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004.
- Dyukarev A.V., *Pamyat' o proshlom kazachestva v soznanii sovremennogo kubanskogo obshhestva: skvoz' prizmu revolyucii 1917 goda*, [in:] *Kazachestvo Rossii v buntax, smutax i revolyuciyax (k stoletiyu soby'tij 1917 goda): Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii*, Rostov-na-Donu, 2017, s.221–224.
- Keshev A.-G., *Izbranny'e proizvedeniya*, Naġchik: E'ġbrus, 1976.
- Korolenko P.P., *Chernomorcy*, SPb., 1874.
- Korolenko P.P., *Chernomorskoe kazach'e vojsko (1775–1792). Istoricheskij ocherk*, Ekaterinodar, 1892.
- Korolenko P.P., *Koshevy'e atamany` Chernomorskogo kazach'ego vojska XVIII v.*, SPb., 1901.
- Krinko E.F., *Proshloe pod kontrolem: istoricheskaya politika na Severnom Kavkaze*, «Novoe proshloe / The New Past», 2018, № 3, s. 200–210.
- Kuxarenko Ya.G., *Voronij kin`*, «Osnova», Spb., 1861, № 10, s. 21–25.
- Kuxarenko Ya.G., *Chernomorskij by't na Kubani mezhdru 1794 – 1796 godami*, «Osnova», Spb., 1861, noyabr`, s.6 – 41.
- Nogmov Sh.B., *O Kabarde*, «Zakavkazskij Vestnik», 1847, № 4-21.
- Nogmov Sh.B., *O by'te, nravox i oby'chayax ady'gejskix narodov, ili cherkesskix plemen*, «Kavkaz», 1849, № 36-37.
- Nogmov Sh.B., *Istoriya ady'gejskogo naroda, sostavlennaya po predaniyam kabardincev / vstup. st. i podgot. teksta T.X. Kumy`kova*, Naġchik: E'ġbrus, 1994.
- Raxaev Dzh. Ya., *Vosproizvedenie travmy: osmy'slenie deportacii v professional'noj kul'ture repressirovannyġx narodov severnogo kavkaza (na primere balkarcev i karachaevcev)*, «Russkij travelog XVIII-XX vekov» Novosibirsk, 2015, s. 542-562.
- Rvachyova O.V., *Grazhdanskaya vojna v istoricheskoi pamyati potomkov kazakov*, [in:] *Social'noe protivostoyanie i ego proyavleniya na Yuge Rossii v XX – nachale XXI v. (k stoletiyu nachala Grazhdanskoi vojny i obrazovaniya Donskoj respubliky): Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 19–22 sentyabrya 2018 g.)* / [otv. red. akad. G.G. Matishov]. Rostov n/D: Izd-vo YuNCz RAN, 2018.), s.84–90.
- Urushadze A.T., *Pomnit'-nel'zya-zaby't': Kavkazskaya vojna v istoricheskoi pamyati ady'gov i rossijskom prostranstve kommemoracii*, «Politicheskaya nauka», 2018, № 3, s. 106–128.
- Felicy'n E.D., *Kubanskoe kazach'e vojska 1696–1888*, Voronezh 1888.
- Xan-Girej S., *Izbranny'e proizvedeniya / podgot. teksta i vstup. st. R.X. Xashxozhevoj*, Naġchik: E'ġbrus, 1974.
- Xan-Girej S., *Cherkesskie predaniya: izbranny'e proizvedeniya / vstup. st. R.X. Xashxozhevoj*, Naġchik: E'ġbrus, 1989.
- Xan-Girej S., *Zapiski o Cherkessii*, Naġchik: E'ġbrus, 1992.

Sheudzhen E. A., *Istoricheskaya pamyat' i problemy` Kavkazskoj vojny`*, [in:] *Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost`*. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, sostoyavshejsya 19-22 maya 2004 g., Майкоп 2006, s.692-704.

Sheudzhen E. A., *Problemy` regional'noj identichnosti v istoricheskoy pamyati narodov Severnogo Kavkaza*, «Vlast'», 2014, № 11, s. 34-39.

Shherbina F. A., *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska. V 2-x tt.*, Ekaterinodar 1910 – 1913.

## БИБЛИОГРАФИЯ

Адыль-Гирей С., Об отношении крестьян к владельцам у черкесов, «Кавказ», 1846, № 9.

Адыль-Гирей С., Сулейман Эфенди, «Кавказ», 1846, № 51.

Адыль-Гирей С., Жена черкеса, «Кавказ», 1847, № 11.

Адыль-Гирей С., Рассказ аварца, «На Кавказе», Екатеринодар, 1909, Т. 2, Вып. 5.

Арпентьева М.Р., Этническое возрождение Кавказа и его мифы, «Демографический и миграционный портрет Кавказа», Серия «Демография. Социология. Экономика», Под редакцией С.В. Рязанцева, Г.И. Гаджимурадовой, Москва, 2019, с. 147-162.

Бларамберг И.Ф., Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа, М.: Изд. Надыршин А.Г., 2010.

Броневский С.М., Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах, Подготовка текста к изд., предисл., примеч. И.К. Павловой, СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

Дюкарев А.В., Память о прошлом казачества в сознании современного кубанского общества: сквозь призму революции 1917 года, «Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года)»: Материалы всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону, 2017, с.221-224.

Кешев А.-Г., Избранные произведения, Нальчик: Эльбрус, 1976.

Короленко П.П., Черноморцы, СПб., 1874.

Короленко П.П., Черноморское казачье войско (1775–1792). Исторический очерк, Екатеринодар, 1892.

Короленко П.П., Кошевые атаманы Черноморского казачьего войска XVIII в., СПб., 1901.

Кринко Е.Ф., Прошлое под контролем: историческая политика на Северном Кавказе, «Новое прошлое / The New Past», 2018, № 3, с. 200-210.

Кухаренко Я.Г., Вороний кинь, «Основа», Спб., 1861, № 10, с. 21-25.

Кухаренко Я.Г., Черноморский быт на Кубани между 1794 – 1796 годами, «Основа», Спб., 1861, ноябрь, с.6 – 41.

Ногмов Ш.Б., О Кабарде, «Закавказский Вестник», 1847, № 4-21.

Ногмов Ш.Б., О быте, нравах и обычаях адыгейских народов, или черкесских племен, «Кавказ», 1849, № 36-37.

Ногмов Ш.Б., История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / вступ. ст. и подгот. текста Т.Х. Кумыкова, Нальчик: Эльбрус, 1994.

Рахаев Дж. Я., Воспроизведение травмы: осмысление депортации в профессиональной культуре репрессированных народов северного кавказа (на примере балкарцев и карачаевцев), «Русский травелог XVIII-XX веков» Новосибирск, 2015, с. 542-562.

Рвачёва О.В., Гражданская война в исторической памяти потомков казаков, «Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): Материалы Всероссийской научной конференции» (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сентября 2018 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2018.), с.84-90.

Урушадзе А.Т., Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации, «Политическая наука», 2018, № 3, с. 106-128.



Фелицын Е.Д., Кубанское казачье войско 1696–1888, Воронеж, 1888.

Хан-Гирей С., Избранные произведения / подгот. текста и вступ. ст. Р.Х. Хашхожевой, Нальчик: Эльбрус, 1974.

Хан-Гирей С., Черкесские предания: избранные произведения / вступ. ст. Р.Х. Хашхожевой, Нальчик: Эльбрус, 1989.

Хан-Гирей С., Записки о Черкесии, Нальчик: Эльбрус, 1992.

Шеуджен Э.А., Историческая память и проблемы Кавказской войны, «Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.», Майкоп, 2006, с.692-704.

Шеуджен Э.А., Проблемы региональной идентичности в исторической памяти народов Северного Кавказа, «Власть», 2014, № 11, с. 34-39.

Щербина Ф.А., История Кубанского казачьего войска. В 2-х тт., Екатеринодар, 1910 – 1913.

